

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕРТИЗА

1/2014

В номере:

ИСТОРИЯ ПАМЯТИ

- 4 **А. И. МАКАРОВ** *Историческая память: конструкция или реконструкция?*
- 11 **В. В. ВЕДЕРНИКОВ** *Этюд в багровых тонах, или Сумерки просвещения*
-

КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ?

- 25 **А. В. КАРАВАШКИН** *Иван Тимофеев – историк начала XVII в. – в свете современных интерпретаций*
- 38 **А. С. СТЫКАЛИН** *Правда и вымысел о реакции российского общества на венгерскую революцию 1848 г. Венгерская кампания 1849 г. и капитан Гусев*
- 55 **В. Е. ШИШКОВ** *Бой «Варяга»: правда или вымысел?*
- 75 **А. В. ШУБИН** *Конспирологи о причинах Февральской революции*
- 100 **А. М. БЕЛОГОРЬЕВ** *«Полуостров» Косово: история, вырванная из контекста*
-

ОСТОРОЖНО, ХАЛТУРА!

- 106 **С. Е. ЭРЛИХ** *Мифом миф поправ, или «Фоме» про Ерему декабризма*
- 112 **А. В. ГОЛУБЕВ** *Две стороны LAP Lambert Academic Publishing: несколько слов о соблазнах и последствиях легкой научной публикации*
-

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Историография памяти

- 115 **В. В. ТИХОНОВ** *Рецензия: Копосов Н. Е. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.*

Наследие империи

- 121 **В. В. ДОЛГОВ** *Украинский национализм: ликбез для украинцев. Рецензия на книгу: Галушко К. Украинский национализм: ликбез для русских, или Кто и зачем придумал Украину. Київ: Темпора, 2010. 632 с., ил.*

131 **В. В. ВОЛОБУЕВ**

Рецензия: Польша в XX веке. Очерки политической истории / Ред.: Г. Ф. Матвеев, А. Ф. Носкова (отв. ред.), Л. С. Лыкошина. М.: Индрик, 2012. 929 с.

Обобщающие исследования

140 **П. В. ПОНАРИН**

Рецензия: Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: НЛО, 2012. 278 с.

144 **М. А. КИСЕЛЕВ**

Как колонизируют историю. Рецензия: Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: НЛО, 2013

159 **М. С. ФАБРИКАНТ**

Рецензия: Jankowski T. Eastern Europe! Williamstown, MA: New Europe Books, 2013. 624 p.

163 **В. Н. СЕРГЕЕВ**

В поисках подлинного исторического материализма. Рецензия: Кагарлицкий Б. Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 528 с.

167 **Т. В. КОСТИНА**

Рецензия: Гуркина Н. К. История образовательных учреждений в России (X–XX века). СПб.: Полторак, 2012. 78 с.

Мир

171 **О. В. ХАВАНОВА**

Рецензия: Karstens S. Lehrer–Schriftsteller–Staatsreformer. Die Karriere des Josef von Sonnenfels (1733–1817), Wien; Köln; Weimar, 2011. 508 S. (Veröffentlichungen der Kommission für neuere Geschichte Österreichs 106). Карстенс С. Учитель–писатель–реформатор. Карьера Йозефа Зонненфельса (1733–1817).

Российская империя

176 **А. А. КИСЕЛЕВ**

Рецензия: Лабутина Т. Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб.: Алетейя, 2013. 352 с.

182 **И. В. КУЧУМОВ**

Рецензия: Natalizi M. La rivolta degli orfani: la vicenda del ribelle Pugacev. Roma: Donzelli, 2011. 247 p.

185 **Н. А. МИНИНКОВ**

Рецензия: Александер Дж. Т. Российская власть и восстание под предводительством Емельяна Пугачева / Авторизованный перевод с английского, вступительная статья и примечания к. и. н. И. В. Кучумова. Отв. ред. д-р ист. наук В. Я. Мауль. Уфа: ИП Гаммуллин Д. А., 2012. 240 с.

- 190 **Е. П. ЕМЕЛЬЯНОВ** *Рецензия: Олейников Д. И. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2012. 339 с. (Жизнь замечательных людей: Малая серия)*
- 194 **А. С. СТЫКАЛИН** *Рецензия: Н. В. Гоголь и славянские литературы / Отв. редактор Л. Н. Будагова. М.: Индрик, 2012. 568 с.*
- 199 **Е. А. КРЕСТЬЯННИКОВ** *Недавние работы новосибирских и томских историков: размышления о жизни юристов Сибири конца XIX – начала XX в.*

СССР

- 206 **А. Ю. СУСЛОВ** *Рецензия: Мартов Ю. О. Письма и документы. 1917–1922. Сборник / Сост. д-р ист. наук Ю. Г. Фельштинский; вступ. статья, примеч. и указатель д-ров ист. наук Ю. Г. Фельштинского, Г. И. Чернявского. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014. 543 с.*
- 209 **В. А. ТОКАРЕВ** *Рецензия на книгу: Коньшова Е. В., Меерович М. Г. Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска). М.: ЛЕНАНД, 2011. 224 с.*
- 220 **А. Н. КАБАЦКОВ** *Рецензия: Лейбович О. Л. Без черновиков. Иван Прокофьевич Шаповов и его корреспонденты. 1932, 1953–1957 гг. Пермь, 2009*
- 225 **С. В. СМИРНОВ** *Были ли русские солдаты в Квантунской армии? Рецензия: Яковкин Е. В. Русские солдаты Квантунской армии. М.: Вече, 2014. 320 с.*

Память места

- 230 **Н. Р. СЛАВНИТСКИЙ** *Новейшая историография Несвижского замка. Работы Н. А. Волкова и С. В. Юхо в трудах ВИМАИВиВС*
- 233 **А. Л. КЛЕЙТМАН** *Рецензия: Майорова А. С. История культуры Саратовского края: Культура Саратовского края до начала XX века. (Ч. 1. Конец XVIII – первая половина XIX века). Саратов: Изд. центр «Наука», 2013. 236 с.*
- 238 **А. В. ЖУРАВЕЛЬ** *Рецензия: Прохоров В. Е. Сермяжные истории. Брянск: Белобережье, 2009. 392 с.; Прохоров В. Е. Воспоминания о лихолетье. Брянск: Белобережье, 2013. 246 с.*

А. И. Макаров

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: КОНСТРУКЦИЯ ИЛИ РЕКОНСТРУКЦИЯ?

Чтобы вызвать прошлое в форме образа, надо иметь способность отвлекаться от настоящего действия, надо уметь придавать цену бесполезному, нужна воля к грезам.

*А. Бергсон
Две формы памяти*

Первым импульсом к написанию этой статьи было чувство несправедливости при прочтении статьи мнемоника О. Степанова, в которой была задета профессиональная честь Френсис Амели Йейтс (1899–1981), знаменитого историка «варбургской школы», которая и открыла тему истории европейской мнемотехники.

Книга Фрэнсис Йейтс – это что-то вроде выполнения домашнего задания по теме. Она сама не понимала мнемонику и не смогла ее воспринять, но добросовестно описала все источники <...> Так что читать выводы, которые делает человек, не понимающий сути происходящего, просто открываться на полную катушку¹.

¹ Степанов О. Мнемоника. Правда и вымыслы. Код доступа: <http://www.scorcher.ru/art/mnemonic/mnemonic2.php?printing=1>

Данная оценка тогда показалась мне необъективной и крайне поверхностной, но в память запала. Спустя некоторое время пришлось ее вспомнить. Перечитывая книгу Патрика Хаттона «История как искусство памяти», я обнаружил у автора ту же оценку. В главе «Новое открытие Искусства памяти», отдав дань заслугам Френсис Йейтс в области архивных изысканий, он пишет, что, несмотря на огромную работу по охвату массива источников почти 2000-летнего периода, Йейтс не смогла обнаружить «историческую связь между мнемоникой и более широкой проблемой коллективной памяти»². Далее Хаттон дает ретроспективный обзор идей (от Вико до Гадамера), которые легли в основу «действительно научного»

² Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 53.

подхода к изучению способов и целей репрезентации прошлого. Он убедительно показывает, что только сложный, фундированный философскими, психологическими и социологическими теориями методологический инструментарий позволяет историкам подобраться к корректной постановке задач в своей предметной области.

Это «новое» прочтение книги П. Хаттона (до этого я не обращал внимания на его скрытую полемику с историками-«традиционалистами») заставило меня вспомнить критику О. Степанова. Приведу цитату, иллюстрирующую (по мнению этого специалиста по мнемонике) технологическую некомпетентность Йейтс:

Умиляет цитата из «Феникса» Равенны, где Фрэнсис делится своими умозаключениями: «Чтобы запомнить, что завещание не имеет силы без семи свидетелей, говорит Петр, мы можем вообразить сцену, в которой завещатель диктует свою волю в присутствии двух свидетелей, а затем некая девушка рвет бумагу с завещанием». Как и в отношении классического образа судебного разбирательства, не совсем ясно, чем описанная Петром ситуация, даже если предположить, что Джунипер была своенравна и решительна, помогла бы ему запомнить это простое положение о семи свидетелях» (Глава V, стр. 148). Ну, для мнемоников всё ясно: женщина – Фемиды, разрываемая бумага – возьмите сами и начните рвать перед зеркалом – это римская V (5), а два свидетеля – II (2), то есть все вместе VII (7)³.

Если отвлечься от стиля этого фрагмента (пусть он останется на совести автора), то его содержание составляет типичный упрек в сторону историков в том, что историческое исследование характеризуется слабой прагматической эффективностью. Однако, может быть, для научного сообщества историков это слабый аргумент? Но ведь упрек Хаттона лежит в той же плоскости.

Я думаю, что Хаттон прав. Недостатки работы Йейтс обусловлены ограниченностью исповедуемого ею методологического подхода. Речь идет о подходе историков «традиционной» источниковедческой ориентации, осторожных в интерпретациях, не ориентированных на обновление языка исторического исследования. Надо отдать должное и самой Френсис Йейтс: во введении к своему знаменитому труду «Искусство памяти» она высказывает опасение, что ее подход к истории памяти мог бы вызвать непонимание покойной Гертруды Бинк и Эби Варбурга. Но что сделано, то сделано.

Вопрос об актуальности идеографического метода – это вопрос о полезности подробного и (чего греха таить) не очень увлекательного для современного читателя (и интеллектуального в том числе) перебора сведений, собранных на заданную тему скрупулезным историком-архивистом. Именно к этой академической манере возникают претензии в середине прошлого века. Концепция исторического источника как свидетеля Прошлого подвергается основательной критике. Разноречивая критика была связана,

³ Код доступа: <http://mnemonicon.narod.ru/MNEM2.html>

с одной стороны, с обвинениями историков в наивной уверенности, что они объективны и бесстрастны в своих исследованиях, а с другой — с потерей влияния на общественно-политическую практику историографического классического дискурса.

Что же предлагали историкам критики исторического позитивизма? М. Фуко, Ж. Деррида, Р. Барт, Ю. Кристева и их последователи призывали к резкой смене предметного поля исторической науки, заимствованию методов в смежных гуманитарных науках (и прежде всего философской герменевтики) и перестройке языка текстов. Наиболее скандальным предложением было предложение использовать «критику идеологического дискурса» применительно к научному дискурсу историков, то, что история историков — это вид идеологии, для этих последователей Фридриха Ницше было очевидно. Более приемлемым было предложение «беллетризировать» научные тексты в целях приближения к ним широких кругов читающей публики, — что по форме потребовало сближения научного и литературного языка. Все эти предложения можно назвать «вызовом постмодернизма»⁴. Он в частности состоял в том, чтобы вернуть в историческую науку не только методологическую, но и философскую рефлексию самого языка этой дисциплины. А это уже было почти прямое предупреждение о том, что к историкам стучится философия

⁴ См. подробнее обзор методологических дискуссий в статьях Г.И. Зверевой, Л.П. Репиной, В.П. Визгина, И.Н. Ионова в сборнике «Одиссей. Человек в истории». (М., 1996).

истории. Это — философия истории нового образца: философия языка истории и критика нарративистики.

Советские, а затем и российские историки оказались не очень-то готовы к диалогу с этими радикальными (по меркам советской историографической традиции) мыслителями. Однако движение в эту сторону всё равно началось и связано оно было с методологическими идеями антропологизации исторической науки. Здесь значительный вклад сделал А.Я. Гуревич⁵.

Одной из самых востребованных тем междисциплинарного взаимодействия — стала тема исторической памяти. Историографию проблемы исторической и культурной памяти находим в работах Л.П. Репиной⁶. В последнее время наблюдается взрывной интерес к этой проблематике во всем мире. Я. Ассман и П. Нора предположили, что это связано с осознанием утраты нынешним поколением живой памяти об ужасах последней мировой войны с одной стороны и с тенденцией хранить память о прошлом исключительно в профессиональных сообществах и на внешних носителях (книгах и архивах). Как горько пишет П. Шоню об этой склонности современного человека всё быстро забывать: «Не знаю ничего более

⁵ См. его программную статью: *Гуревич А.Я.* О кризисе современной исторической науки // *Вопр. истории.* 1991. № 2/3. С. 21–35.

⁶ См. об этом подробнее: *Репина Л.П.* Память о прошлом как яблоко раздора, или Еще раз о (меж)дисциплинарности // *Исторический журнал: научные исследования.* 2013. № 1. С. 25–32.

мучительного, чем постепенно тускнеющий в памяти облик близкого вам человека, которого уже нет в живых. Вы чувствуете себя предателем»⁷.

Рассуждая о продуктивном влиянии на исторические исследования коллективной и индивидуальной памяти, Хаттон справедливо связывает их с философскими и социологическими теориями. Действительно, благодаря социологии М. Хальбвакса, философии М. Фуко и Х.Г. Гадамера — их понятийным и методологическим инновациям, на исследовательском горизонте историков появились ключевые понятия «коллективная» и «индивидуальная память», «места памяти», «меморативная политика», получили широкое распространение структуралистский и феноменологический методы, способные объединить различные дисциплинарные области гуманитарных и социальных наук. Другими словами, историографический аспект такой темы, как память и забвение, не только неотделим сегодня от смежных дисциплин, занимающихся всесторонними исследованиями процесса запоминания/забывания/репрезентации следов/воспоминания, но и возникла необходимость междисциплинарного синтеза, который бы позволил наконец сформировать целостный взгляд на взаимовлияние различных типов знания, формирующих представление о прошлом⁸.

⁷ Шюто П. Во что я верую. М., 1996. С. 30.

⁸ См.: Савельева И.М. Перекрестки памяти // Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 420.

Но сохраняет ли хоть какую-то актуальность традиционный подход к историческому источнику, традиционный язык историографического описания? Я изложу свою позицию по этому вопросу (т. е. выдвину тезисы и приведу аргументацию).

Заблуждение классической философии и науки Нового времени состоит в том, что она посеяла в умах ученых надежду на связь научного метода с неким «чистым разумом», способным делать знания о человеке, культуре, истории объективными в естественнонаучном смысле этого слова. Из этого допущения вытекают две ложные сциентистские установки:

— убежденность в способности источников отражать исторические факты, т. е. сохранять и транслировать информацию о контексте времени своего происхождения;

— убежденность в том, что ученый — это так называемый «частный мыслитель», который может выйти из-под социального контроля своей референтной группы (в силу дисциплинированности своего мышления научным методом) и стать носителем всеобщего сознания, позволяющего ему понимать прошлое как Другое время.

Эти теоретические установки были оспорены в XX в. в рамках неклассического подхода к изучению прошлого. Фраза Ф. Ницше: «фактов не существует, есть только интерпретации» открыла пути для переопределения не только цели историографии, но и самой природы исторического знания. Сегодня

В. В. Ведерников

ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ, ИЛИ СУМЕРКИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

В Санкт-Петербурге с 16 февраля по 2 марта работала выставка, посвященная юбилею восшествия на престол династии Романовых. Открытая в Москве в День народного единства, 4 ноября 2013 г., она прошла в столице с триумфальным успехом. О ее популярности и востребованности говорит тот факт, что попасть на мероприятие было непросто. В свое первое посещение, во второй половине дня, я не успел ознакомиться со всеми экспонатами (площадь выставочного павильона более 4 тыс. кв. м), и в следующий раз мне уже пришлось примерно час провести в очереди, а в последние дни, как рассказывают, ждать приходилось и много больше: 3–4 часа. По моим наблюдениям, неорганизованные посетители – в основном лица среднего и старшего возраста, а среди экскурсионных групп преобладают школьники. Следует отметить хорошую организационную подготовку мероприятия. Организованные группы слушали рассказ экскурсовода, а рядовые посетители при желании могли взять напрокат аудиогид, который, впрочем, лишь дублировал тексты, размещенные на планшетах.

жало интригу. История государства должна стать «моей» историей и одновременно историей православия. Решить такую задачу чрезвычайно трудно. Что же удалось организаторам и в чем они потерпели неудачу?

Как ни парадоксально это звучит, но мемориальные комплексы, посвященные последнему императору, появились в молодой советской республике чуть ли не сразу после Октября. Уже в 1918 г. жилые помещения семьи Николая II в Александровском дворце Царского Села стали музеем. В 1927 г. к десятилетию революции был открыт музей в доме Ипатьева, в парке Александрия Петергофа стоял исторический салон-вагон, где император подписал манифест об отречении от престола, в Зимнем дворце посетителям демонстрировали покои российских императоров, а комнаты последнего государя, по словам В. В. Шульгина, нелегально посетившего СССР в конце 1925 – начале 1926 г., охранялись «с особой тщательностью»¹. Но интерес этот был специфическим. Мне кажется, что трагическая гибель царской семьи мрачной тенью легла на правление большевиков. Пропагандисты

Название выставки «Романовы. Моя история. Православная Русь» содер-

¹ Шульгин В. В. Три столицы. М., 1991. С. 317.

выбивались из сил, изображая последнего императора человеком недалеким, ограниченным, враждебным стране и народу. Такое же представление закреплялось в историческом сознании и обо всей романовской династии. В фильме «Доживем до понедельника» школьник говорит учителю, что с царями (за исключением, быть может, только Петра Великого), России не везло. Фильм вышел на экраны во второй половине 1960-х гг., и примерно тогда же происходят знаменательные перемены в общественном сознании. Несмотря на все пропагандистские усилия, Чапаев становится популярным персонажем анекдотов, а «белые» обретают романтизированный ореол героев, в общественном сознании формируется идеализированный образ императорской России и царственного мученика. Тогда же уничтожаются и памятные места, связанные прежде всего с последним представителем правящей династии и его семьей. В сентябре 1977 г. власти Свердловска, выполняя указания Политбюро и КГБ, снесли исторический особняк Ипатьева.

В годы перестройки и постсоветскую эпоху канонизация последнего императора, торжественное перезахоронение жертв екатеринбургской трагедии вызвали обильный поток сусальной литературы, столь же далекой от взвешенных и точных оценок, как и предшествующая обличительная.

Вне всякого сомнения, правящая династия оказала значительное влияние на формирование культуры и приобщение населения к западным

стандартам жизни. Благодаря личной инициативе Екатерины Великой был основан Эрмитаж, а внук императрицы Николай I сделал его общедоступным музеем, Александр III приложил много усилий для создания Русского музея, Николай II покровительствовал «Миру искусства». С Романовыми связана и традиция благотворительности, почти угасшая в советскую эпоху. По инициативе Петра Великого в России была учреждена Академия наук, а Николай I сделал очень много для создания национальной научной школы. Разумеется, система самодержавной монархии усиливала значение личностного фактора в управлении империей. Были на престоле и «революционеры», вроде Петра Великого, и великие реформаторы — Екатерина и Александр II, и консерваторы — Николай I и Александр III. Крайне неоднозначной представляется и политическое лицо последнего государя. Попытки изобразить его традиционалистом, поклонником допетровской Руси вызывают обоснованные возражения. Создание законодательной Думы, провозглашение свободы вероисповедания, отмена цензуры, аграрная реформа по масштабам и значимости вполне сопоставимы с преобразованиями Эпохи великих реформ.

Итак, тема могла быть раскрыта и путем рассказа не только об императорах, но и о наиболее выдающихся личностях правящей династии, которую представляли меценаты (вел. кн. Елена Павловна), ученые (Александр Петрович, принц Ольденбургский), поэты (вел. кн. Кон-

стантин Константинович), историки (вел. кн. Николай Михайлович), православные подвижники (вел. кн. Елизавета Федоровна). Организаторы пошли по другому пути.

Представьте на минуту, что 2 марта 1917 г. великий князь Михаил последовал совету П. Н. Милюкова и, поддержанный верными воинскими частями, возглавил борьбу против крайних течений. Вовлеченная в гражданскую войну, Россия вынуждена была смириться с независимостью Украины, Польши, Финляндии и Прибалтики с Литвой, но удержала Закавказье. Внутренний конфликт затянулся до 1920 г., и в Версальской конференции страна не участвовала, но на территории великорусского ядра была сохранена конституционная монархия, которая в 2013 г. отметила 400-летие правления династии. Пустые фантазии, – скажете вы, – история не имеет сослагательного склонения. Это, конечно, так. Но когда я ознакомился с выставкой, меня не покидало ощущение, что именно таким путем развивались события за последние 100 лет, и все новейшие технические достижения, блестяще использованные организаторами мероприятия, служат одной цели: доказать безальтернативность даже не монархии – самодержавия, которое, по выражению Н.М. Карамзина, было «палладиумом России».

Собственно, личностей, Романовых, нет или почти нет. Есть самодержцы (о великих князьях ничего не говорится), есть православная церковь и враги России, представленные «ворами», изменниками

бунтовщиками, заговорщиками и революционерами, а также враждебное России зарубежье. И не случайно история династии начинается не рассказом о происхождении Романовых и их роли в судьбах Московского царства, а с периода Смутного времени. Первое, что бросается в глаза посетителю, – яркое полотно, точнее, анимированный коллаж, изображающий пожар Москвы. Преобладает тревожный мерцающий ярко-красный цвет. И тут же, прямо на полу, располагаются две поверженных скрижали, повествующие о вступлении в Москву Лжедмитрия I и низложении ставленника Годунова патриарха Иова. Рядом, слева, новая скрижаль, стоящая вертикально, на которой начертаны слова: «Когда в Москве получены были первые вести о сборах Минина и Пожарского, святейший Ермоген сказал: “Да будет над ними милость от Бога <...>, а на изменников пусть изливается гнев Божий”». Самодержавная государственность, связанная с православием и противостоящие этой государственности враги – вот главные темы экспозиции. Особую роль играет цветовая гамма. Красный цвет, цвет пожара и крови, преобладает в стендах, посвященных врагам страны, а в повествовании о представителях династии доминантой являются спокойные лазоревые или зеленые тона. Всё это создает определенный эмоциональный настрой, своеобразное «умозрение в красках». Перед большими стендами – сенсорные панели. Один клик пальцем – и все сложные и «проклятые» вопросы отечественной истории решены! Основные стенды сопровождаются и соответствующими цитатами

из исторических документов, трудов ведущих российских историков или зарубежных политических и общественных деятелей, которые дают оценку ситуации в стране, характеризуют эпоху и народ России. Они размещены на матерчатых полотношцах, напоминающих хоругви. Утомленный информацией о политических проблемах, посетитель отдыхает, читая сведения о развитии бытовой культуры. Я с интересом узнал о том, что в царствование Павла Петровича в России впервые получили сахар из свеклы, а белая акация была посажена в стране в царствование Александра I. Дополнительно в трех отдельных залах можно посмотреть видеоряд, посвященный развитию военного дела, культурным достижениям императорской России, а завершает выставку кинохроника, демонстрирующая эпохальные события советской и постсоветской истории. Эпоха сжата, уплотнена, возникает эффект ускоренной съемки. Звучит сюита Г. Свиридова «Время, вперед!», и под эту музыку монументальные глыбы, составившие фундамент социализма, на глазах ветшают и превращаются в песок эпохи застоя, энергия строителей уходит в ритуальные формулы о духе революции, престарелые вожди слушают марш о молодом Ленине и юном Октябре, что впереди. А впереди – новый октябрь, октябрь 1993 г., кризис власти и возрождение страны в новом тысячелетии. Хочется ли прокрутить ленту назад, чтобы вернуться в благословенные времена мощной империи? Нет, скорее – увидеть вторую серию «Русского чуда», в которой продолжится строительство

возрожденной имперской государственности.

Пафос выставки – восстановление связи времен, связи, прерванной революционной эпохой. Эту связь организаторы постоянно подчеркивают, иногда, возможно, с излишним нажимом. Хотя в экспозиции и нашла отражение тема культуры, но главным достижением страны выступает рост территории и населения, что в условиях враждебного окружения возможно только при наличии сильной армии и флота. Далеко не случайно организаторы выставки приводят высказывание, приписываемое Александру III: «У России нет друзей. Нашей огромности бояться». Забота императоров об армии и флоте перекликается с темой возрождения мощи и величия современной России. Тема «темных сил», враждебного окружения страны находит свое завершение в цитате из выступления действующего президента: «Слишком часто в национальной истории вместо оппозиции власти мы сталкиваемся с оппозицией самой России. И мы знаем, чем это заканчивалось: сносом государства как такового».

Кто же представляет опасность для российской государственности? Это, несомненно, враждебное западное окружение. «Герои» Смуты – марионетки в руках польского правительства. «Мы, поляки, посадили на Московский трон государя, который назывался Дмитрием, хотя он им и не был». Этим высказыванием Яна Сапеги подводятся итоги первой в истории России гражданской войны. Врагами являются и «воры»,

предводители народных восстаний. Движения Степана Разина и Емельяна Пугачева оцениваются как разбойничьи экспедиции, сопровождаемые массовыми убийствами, похищением имущества, насилием. Но есть и «воры» внутри государственного аппарата. В кроваво-красный цвет окрашен стенд, посвященный непродолжительному царствованию Екатерины I и Петра II, а всё из-за попытки «верховников» хитростью похитить самодержавную власть и ввести представительный образ правления. С середины XVIII в. враги персонализированы. Это масоны. Ссылаясь на некий «Исторический словарь» (почему не на «Историческую энциклопедию»?) авторы экспозиции определяют масонство как «движение, созданное с целью влияния на властные структуры государства». Судя по дальнейшему тексту, масонство, пришедшее в Россию извне, ставило целью не столько влиять, сколько расшатывать государственные структуры. Его деятельность была успешно пресечена Николаем I в 1825 г., но через 92 года масонам под руководством «пятерки» (А.И. Коновалов, М.И. Терещенко, А.Ф. Керенский, И.Н. Ефремов и Н.В. Некрасов) удалось реализовать преступный замысел и ликвидировать монархию. Врагами самодержавия были и русские революционеры, часть которых (декабристы, М.А. Бакунин, деятели Февраля 1917 г.) одновременно сохраняли связь с масонскими ложами. Ряды носителей антигосударственных идей, судя по тематике экспозиции, пополняли и «инородцы». Эта тема впервые возникает на стенде, посвященном декабристам, где наряду

с известными организациями упоминается тайное общество Херут, ставившее своей целью освобождение евреев в России и Европе и образование отдельного еврейского поселения «где-нибудь в Крыму или даже на Востоке». Среди активных разрушителей монархии упоминаются Евно Азеф, А.Л. Парвус (Гельфанд), Л.Д. Троцкий (Бронштейн) и В.И. Ульянов, чьи национальные корни для знающих людей большого секрета не составляют.

Что и говорить, концепция отечественной истории в таком исполнении предстает цельной и, на первый взгляд, непротиворечивой. Да, непротиворечивой, если зритель либо сам является носителем определенной идеологии, либо не слишком хорошо знает отечественную историю, но убежден, что и в школе, и в вузе его «обманывали». Эта вера в обман сродни вере в черную магию. Родилась она на волне перестройки, когда на неподготовленного слушателя и читателя обрушилась масса новой, непривычной информации, разрушавшая устоявшуюся картину мира. А затем появились А.Т. Фоменко, Г.В. Новосовский, В.М. Кандыба, Сионские протоколы, Дощечки Изенбека, — да что только не обрушилось на голову неподготовленного читателя! Ведь история для рядового потребителя информации — это прежде всего занимательное повествование. Источниковедческая составляющая профессиональной работы остается чаще всего за бортом. Совершенно непонятно, почему одному «рассказу» можно верить, а другому нельзя. Собственно и выставка, где нет экспонатов, это тоже

красивый, ярко проиллюстрированный эпос, которому так хочется верить! Новый золотой сон о России, России, которую мы потеряли, но можем вновь обрести. А между тем...

Между красивым рассказом и историческими фактами нет состыковки, а иногда лежит пропасть.

Вспомним начало: пожар Москвы, который стал лейтмотивом выставки, окрасив деятельность заговорщиков и изменников в кроваво-красные тона. Пожар действительно был, но произошел он вовсе не в годы правления Лжедмитрия I, как можно подумать из сопроводительных надписей, а в годы Семибоярщины, в 1611 г. Это событие действительно стало переломным, разрушив надежды на достижение мира с Речью Посполитой, но ведь до этого были и 7 лет жестокой гражданской войны!

В советской историографии Смута была искусственно разделена на период крестьянской войны и интервенции. Внутренние неурядицы объяснялись внешним воздействием. Эта давно преодоленная концепция лежит в основе рассказа о Смуте. Но современные исследования установили, что говорить о польской интервенции как скрытой пружине самозванческой интриги не приходится. Сигизмунд III, который вел войну со Швецией, был заинтересован в сохранении мира с восточным соседом, а движущей силой движения Лжедмитрия I стали служилые и вольные казаки северских земель. Названный Дмитрий действительно широко

раздавал обещания Сигизмунду III и католической церкви, но, воцарившись в Москве, вовсе не спешил их выполнять. Численность польских всадников в войске Первого самозванца была невелика, от 700 до 2 тыс. чел.² Иностранцы в окружении Самозванца играли роль личной опоры его власти (их можно сравнить с «немцами» в окружении Петра Великого) и отнюдь не были проводниками воли правящих кругов Речи Посполитой. Отметим, что «поляки» и «литва», о которых пишут русские источники, вовсе не обязательно были католиками. Среди них значительная часть — православные жители Речи Посполитой. «У нас в рыцарстве большая половина русских людей», — отмечал в начале 1611 г. гетман Ян Сапега³.

Более значительна роль выходцев из Польши в войске Лжедмитрия Второго. К началу 1610 г. они составляли более 10 тыс. чел.⁴ Но опять-таки это была служилая дворянская мелкота, привлеченная обещаниями Самозванца платить высокое жалование. По авторитетному утверждению современного исследователя, «Ян Петр Сапега руководствовался в первую очередь личными интересами и интересами войска, которым он командовал,

² *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба в русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С. 265; *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 60.

³ *Флоря Б. Н.* Образ поляка в древнерусских памятниках // *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 382.

⁴ *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 71.

а не интересами короля или Речи Посполитой»⁵. Действительными организаторами интриги были бывшие участники движения И.И. Болотникова, в частности казачий атаман И.М. Заруцкий. Современный исследователь Смуты И.О. Тюменцев приходит к выводу, что «правлящие круги Речи Посполитой не принимали никакого участия в подготовке русских самозванцев в 1606–1607 гг.»⁶.

Непростой была и роль Романовых в событиях Смутного времени. Историки, ссылаясь на косвенные данные, не исключают того, что движение первого самозванца было поддержано опальным старомосковским боярским родом. После свержения Годунова Филарет стал митрополитом Ростовским. Поддержав свержение Лжедмитрия, он вскоре начал интриговать против царя Василия Шуйского и, став патриархом тушинцев, стоял «во главе <...> больших чинов и высокой породы» в лагере Вора⁷. В момент распада тушинского лагеря именно Филарет инициировал переговоры с польским королем с целью пригласить на московский престол королевича Владислава. Для переговоров о воцарении Владислава он отправился в Польшу, присягу польскому королевичу принесли и остальные Романовы. Р.Г. Скрынников указал, что «Романовы занимали видное место среди тех, кто «воровал» с Литвой, иначе говоря,

был пособником иноземных завоевателей. Боярин Иван Никитич Романов усердствовал в службе царю Владиславу. Стольник Михаил жил на подворье Романовых в Китай-городе у дяди. Инокания Марфа была при сыне. Стольник не проявлял желания перебраться за стены Кремля и перейти на сторону земских воевод и народа, как то делали сотни дворян»⁸. Из этого, конечно, вовсе не следует, что Романовых надо числить изменниками. В условиях кризиса государственности, как писал С.Ф. Платонов, «московское население думало восстановить порядок признанием унии с Речью Посполитою и поэтому призвало на московский престол королевича Владислава»⁹. Непременным условием возведения королевича на престол был его переход в православие¹⁰. Это условие патриарх Филарет стойко отстаивал на переговорах с польским королем¹¹. Сложные реалии Смуты очень трудно уложить в жесткую схему, где «патриоты» противостоят «изменникам».

Крайне тенденциозна и информация о декабристах. Новейшие исследования, и прежде всего книга О.И. Киянской дают материал, позволяющий говорить о жестокости и аморализме одного из руководителей Южного общества П.И. Пестеле¹². Всё так. Но желая,

⁵ Там же. С. 73.

⁶ Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 84.

⁷ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве. М., 1937. С. 316.

⁸ Скрынников Р.Г. Михаил Романов. М., 2005. С. 95.

⁹ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты... С. 341–342.

¹⁰ Козляков В.Н. Смута в России. XVII в. М., 2007. С. 306–307.

¹¹ Скрынников Р.Г. Михаил Романов. С. 75.

¹² Киянская О.И. Павел Пестель: Офицер, разведчик, заговорщик. М., 2002.